

Раздел 5. Художественный текст и эго-текст: соотношение понятий

Э. А. Зайнуллина

(научный руководитель – кандидат филологических наук А. С. Афанасьев)

Казанский федеральный университет

Казань, Россия

Повесть Юза Алешковского «Николай Николаевич»: к проблеме поэтики незавершенного

Аннотация: статья посвящена осмыслению поэтики незавершенного в повести Юза Алешковского «Николай Николаевич». Сравнение двух редакций повести (1970 и 2014 годов) на содержательном и композиционном уровнях выявляет художественные особенности текстов разных исторических эпох, что позволяет отметить не только стилистические правки, но и изменение авторской позиции. Основное внимание в статье обращено на трансформацию образа рассказчика.

Ключевые слова: отечественный андеграунд, текстология, эго-текст, ирония, юмор, сатира, сказ, поэтика незавершенного, апгрейд.

В современном литературоведении поэтика незавершенного нередко привлекает внимание исследователей. Например, в коллективной монографии «Феномен незавершенного» под общей редакцией Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова сформулирована концепция, согласно которой «неоконченное» – факт житейской и или творческой биографии, а «незавершенное» – факт авторской воли, главное последствие которой – появление некой особой, специфической «свободы», свободы игры (автора) и свободы интерпретации (реципиента) [Феномен незавершенного 2019: 4].

Особенно интересны тексты, переписанные или опубликованные заново, где заметны жанровые, сюжетно-композиционные, стилевые и другие изменения. Такое исследование представлено в диссертации А. М. Меньшиковой «Поэма без героя Анны Ахматовой: поэтика незавершенного» [Меньшикова 2014]. Подобные работы открывают новые возможности интерпретаций художественных текстов, и повесть Юза Алешковского «Николай Николаевич», изданная в двух редакциях, может быть исследована именно в контексте рассмотрения поэтики незавершенного.

Повесть занимает особое место в творчестве писателя: именно ее он решает издать заново с подзаголовком «Апгрейд» через 44 года после окончания работы над первой версией. Произведение имеет особенную идеологическую направленность. Главный персонаж, рассказчик Николай Николаевич, не примиряется с условиями советских реалий, едко и красочно повествует о жизни в СССР. Читатель видит героя не столько маргиналом и мошенником, сколько человеком с ярко выраженной гражданской позицией. Может быть, поэтому автор решил углубить и расширить его образ и характер.

Первый вариант повести был написан в 1970 году и впервые издан в 1980 году в США. Вторая редакция пишется в 2014 году. Текст апгрейда становится объемнее, однако сюжетная история и стилистика кардинально не меняются: в сказовой манере Николай Николаевич, бывший вор-карманник, рассказывает о своей работе в медицинской лаборатории, о своих взаимоотношениях с представителями советской науки. Количество глав и их композиция остаются неизменными. Все замеченные изменения мы условно разделили на 3 группы:

- 1) изменение в композиции системы персонажей и в характеристике образов персонажей;
- 2) стилистические правки;
- 3) лирические отступления рассказчика.

Первый случай правок – некоторые эпизодические персонажи получили имена и фамилии: международный урка – имя Фан Фаныч, замдиректора, муж Влады Юрьевны, – фамилию Молодин, фигура неназванного вождя получила кличку Гуталин.

Яркой особенностью в финале «Апгрейда» становится и образ слушателя – собеседника «кирюхи», который был размыт в редакции 1970 года.

Данного эпизода не было в первой редакции:

– *Стоп!.. объяви мне полностью, кирюха, твои ФИО?.. спасибо, нормально, солидник.*

– *Подготовьте, пожалуйста, к опыту, – добавит Влада Юрьевна, – нашего нового сотрудника, почтенного Василия Ивановича Чапова!..* [Алешковский 2015].

Николай передает свое «дело» и обязанности более молодому поколению. Создается важный мотив исторической перспективы. Это можно объяснить желанием автора углубить проблематику и высветить идею о роли личности более ярко.

Второй случай – стилистические правки и изменение отдельных фраз и реплик персонажей. С точки зрения использования возможностей языка «Апгрейд» оказывается кардинально иным. Рассказчик смелее начинает использовать обценную лексику, смешивая жаргон, матерщину, терминологическую и общественно-политическую лексику.

Например, было: *Много ли там денег-то хоть было?* [Алешковский 2001: 7].

Стало: *Много ли там было бабок?* [Алешковский 2015].

Еще одна особенность «Апгрейда»: в советскую действительность фантазмагорично, сквозь сатиру, разоблачения вплетаются реалии, понятия, актуальные для современной нам жизни конца XX – начала XXI веков:

редакция 1970 года	редакция 2014 года
– Ты, – <i>говорит</i> урка, – счастливчик и везунчик. Но продешевил. Ведь струхня дороже черной икры стоит. Почти как платина и радий [Алешковский 2001: 9].	– Ты, – <i>говорит он</i> , – счастливчик, ты везунчик, но продешевил: молофейка дороже черной икры стоит. <i>Конвертируется почти</i> наравне с платиной, радиоактивностью и другой металлически редкой мудозвонией [Алешковский 2015].

То, что в первой редакции в устах урки звучит кратко «продешевил», в редакции 2014 года превращается в эмоциональную тираду о важнейшей роли монетизации, извлечения прибыли.

Однако во многих случаях изменяется не только стиль, но и углубляется образ персонажа и самого рассказчика. Так, в первой главе, описывая себя, Николай говорит:

редакция 1970 года	редакция 2014 года
Вот я перед тобой – мужик-красюк, приборакхлен, усам <i>сладо</i> пошевеливаю, «Москвич» у меня <i>хоть и старый, но ни х... себе</i> – бегаёт, <i>квартира, заметь, не</i> кооперативная и жена скоро кандидат наук [Алешковский 2001: 5]	Вот я перед тобой мужик-красюк, приборакхлен, усам пошевеливаю, <i>как кот, словивший мышь</i> , «Волга» бегаёт, <i>хата, заметь, кооперативная</i> , а жена – скоро кандидат наук [Алешковский 2015].

Эпитет «сладо» заменяется сравнением «как кот, словивший мышь», марка автомобиля «Москвич» заменяется более престижной – «Волга» и нецензурная его характеристика «хоть и старый, но ни х... себе» изымается из текста, а нейтральное слово «квартира» заменяется жаргонизмом «хата», которая из некооперативной становится кооперативной в «Апгрейде». Если в первой редакции герой выглядел хамоватым, то в тексте 2014 года он приобретает больше лоска и надменности.

Так же – несколькими деталями, но достаточно сильно – меняется характеристика Кимзы:

редакция 1970 года	редакция 2014 года

<p>Фамилия его была Кимза. Нацию не поймешь, но не еврей и не русский. <i>Красивый, но какой-то усталый, лет под тридцать</i> [Алешковский 2001: 6].</p>	<p>По фамилии – Кимза, нацию не поймешь, но не еврей и не русский. <i>Внешность вполне благородна, ничего себе – красюк, но какой-то, б...дь, усталый, седоватый, хоть лет ему всего под тридцать шесть, похож на помесь Калинина со Шверником минус козлиная борода всего лица</i> [Алешковский 2015].</p>
--	---

В редакции 1970 года Кимза предстает благородным и усталым, в редакции 2014 года Николай использует это слово «благородство», но дополняет эту характеристику ироничным обесцениванием и обценной лексикой.

В редакции 2014 года рассказчик уверенно характеризует себя и других, имеет мнение по любому вопросу и заявляет о себе с претензией и вызовом.

Самый обширный случай правок – **третий** – это расширение лирических отступлений рассказчика. Подобные правки можно тематически классифицировать на несколько групп:

1) биографические: отступления о судьбе и предыдущей жизни Николая Николаевича;

2) историко-социальные: о истории России и СССР, о жизни в США;

3) культурологические: об искусстве и литературе.

Так, биографические дополнения второй редакции дают более полную картину жизни рассказчика. В «Апгрейде» он не раз углубляется в описание своей жизненной истории: например, появляется фрагмент о причинах тюремного заключения, о том, как он был пойман, потому что во время кражи кошелька в полном автобусе испытал эрекцию, пассажирка заметила это его состояние, начался скандал: «...нет, не жадность, сука, погубила – собственный волюнтаризм подвел, моего хуидола...» [Алешковский 2015].

В эпизоде с кражей кошелька его заметили лишь по возбужденному члену. Ситуация в автобусе выписана как карнавально-смешная, с обращением к материально-телесному низу [Бахтин 1990: 9]. Алешковский сатирически рисует мастера высокого уровня, который тут так нелепо погорел из-за своего члена. О своем органе герой говорит, как о гоголевском носе, совершенно самостоятельной части тела: «... автобус, значит, пыхтит, мой, еще раз подчеркиваю, тупо упирается в самую что ни на есть святую для каждого существа женского человекопола позицию ...» [Алешковский 2015].

Еще один пример – в 8 главе. Герой сожалеет о том, что так бесчеловечно в лаборатории поступают с его живым биоматериалом: «...Надо быть Гитлером или Гуталиным, чтоб спокойно наблюдать за безжалостной вивисекцией. Я зубами заскрежетал, еще немного – расп...ошил бы всю лабораторию...» [Алешковский 2015].

Называя генсека и Гитлера безжалостными тиранами, герой демонстрирует свой гнев к искусственной матке, в которой его родного живчика испытывают электродами. Абсурдно сопоставляются двоичные противоположности – образы политиков и сперматозоидов. В этом эпизоде на предметно-образном уровне сопоставляются социальный строй лживой системы и живое тело.

Историко-социальные лирические отступления делают вторую редакцию более ангажированной, злой по отношению социальной жизни СССР.

Так, в 1 главе «Апгрейда» повествователь иронизирует над сталинскими репрессиями: «...Гуталин велел политбюро разделить твоё ворье на сук и блатных, чтоб, как с тифом и другим геморроем, жестоко и навсегда покончить с преступным миром...» [Алешковский 2015].

В редакцию 2014 года включены реалии американской жизни и исторические события, случившиеся после 1970 года, сравнение СССР и США. Это меняет характер повествования. Например, во 2 главе – пример расправы над стукачами в Америке: «...Так вот гангстеры в Америке растворяют стукачей, хотя у нас нет свободной продажи

подобной кислоты. Как что было бы, если б выбрасывали ее на прилавок?» [Алешковский 2015].

По справедливому замечанию Ольги Шамборант, перед нами обновленный Николай: «...И вот теперь – нет, Юз не замахнулся на НН-2, на НН в иной исторической эпохе. Он просто фантастическим образом пропустил в прежние обстоятельства места и времени – новые знания...» [Шамборант 2015].

Рассказчик «Апгрейда» в историко-социальном блоке чаще обращается к аллюзиям и реминисценциям. Уже в 1 главе Николай задает ехидный и саркастический тон: «...культурные трехлетние беседы с различными врагами народа, замечательно умными русскими, евреями, литовцами, чеченами, немцами и прочими равноправно посаженными членами дружбы народов» [Алешковский 2015]. В этом отрывке – аллюзия на политику Сталина, когда в тюрьме оказались лучшие умы России. На речевом уровне текста герой иронизирует, что в стране проповедуется идеология дружбы народов, а «дружба» эта вся оказывается за решеткой.

В 1 главе редакции 2014 года тетка Николая гротескно говорит о том, каким блатом пользуются приближенные к власти люди: «*Это не параша: у моего любовника брат на Лубянке шпионов мышеловит – он все знает прямо от Берии, с которым на вась-вась...*» [Алешковский 2015].

Знаковым считаем эпизод о возмущении Николая дамой из его прошлого, когда его партнерша заставляет задержать семьяизвержение. Здесь выявляется генеральная идея творчества прозаика – противостояние тоталитарному режиму народной воли, естественной плоти. Ногти перестают расти у Николая, когда его задевают за живое. Он этой «фрау» предлагает «сдавать молоко в бидоны в колхозе имени Гитлера» [Алешковский 2015]. Используя каламбур, он зачисляет эту женщину в один ряд с фашистами, нелюдьми.

Подобную параллель видим в романе «Кенгуру», где международному урке, высланному в наказание в космос, удастся выжить лишь благодаря материально-телесному низу – отросшему ногтю на мизинце. По мнению А. А. Катиковой, «Алешковский показывает тоталитарные структуры как противоречащие самой сути жизни...» [Катикова 2019: 31].

В культурологическом блоке на речевом уровне находим отсылки и к Библии. Так, рассуждая о мастурбации и свободных половых отношениях, герой резонно замечает, что в XX веке люди забыли о сакральности деторождения, которая описана в Библии: «... мы, козлы, попривыкали ее использовать все большие ради кайфа е...ли, а не заветного распорядения, общеизвестно Кого именно, насчет плодитесь и размножайтесь, так как е...ля это вам не игрушка...» [Алешковский 2015].

Итак, мы отмечаем, что по воле автора в повести Юза Алешковского «Николай Николаевич (апгрейд)» внимание читателя смещается от проблемы высмеивания псевдонауки в сторону прославления человеческого духа и гуманизма. Во второй редакции образ Николая Николаевича усилен и углублен. Алешковский видит в своем герое потенциал, который дает ему возможность оставаться собой и изменять окружение вокруг. Создается впечатление, что в этом персонаже Алешковский воплотил архетип всех своих произведений. По ту сторону баррикад остаются Кимза, академик, Жамэ, Поленька. Изучение двух редакций позволяет увидеть проявление поэтики незавершенности, автор изменяет первоначальный взгляд на текст: от уровня событийного к уровню индивидуально-биографическому, от внимания к обстоятельствам – к наблюдению за сознанием главного героя, за его эволюцией, за обретением его независимости от давления социума, тоталитарной системы.

Литература

Алешковский Ю. Николай Николаевич (апгрейд) // «Издательские решения»: [2015] [Электронный ресурс]. URL: <https://mybook.ru/author/yuz-aleshkovskij/nikolaj->

[nikolaevich-1/read/](#) (дата обращения: 07.04.2021)

Алешковский Ю. Собрание сочинен: в 3 томах. М. : Рипол Классик, 2001. Т. 1.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990.

Битов А. Повторение непройденного: Литературная биография Ю. Алешковского // Знамя. М. 1991. №6. С. 192–206.

Катикова А. А. Судьба человека в тоталитарном государстве (по роману Юза Алешковского «Кенгуру») // Актуальные вопросы современной науки и образования Сборник трудов международной конференции. Петрозаводск, 2019. С. 28–31.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. М. : Академия, 2003. Т. 2.

Лихина Н. Е. Актуальные проблемы современной русской литературы: Постмодернизм: Учеб. пособ. Калининград, 1997.

Майер Л. Сказ Юза Алешковского // Русская литература XX в. Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 526–535.

Меньщикова А. М. «Поэма без героя» Анны Ахматовой: поэтика незавершенного. [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/10995/27838> (дата обращения 07.04.2021)

Толковый словарь уголовных жаргонов / под общей редакцией Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. М. : «Интер-ОМНИС», 1991.

Феномен незавершенного: монография / под общ. ред. Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиленова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019.

Шамборант О. Предисловие к: Николай Николаевич (апгрейд) [Электронный ресурс]. // «Издательские решения» [2015]. URL: <https://mybook.ru/author/yuz-aleshkovskij/nikolaj-nikolaevich-1/read/> (дата обращения: 07.04.2021)

Zainullina E. A. The story of Yuz Aleshkovsky «Nikolai Nikolaevich»: to the problem of poetics of the unfinished

Abstract: the article is devoted to comprehending the phenomenon of incompleteness of the novel by Yuz Aleshkovsky «Nikolai Nikolaevich». Comparison of its two editions (1970 and 2014) at the content and compositional levels reveals the artistic features of the texts, which allows us to note a change in the author's position. The main attention in the article is paid to the transformation of the narrator's image.

Key words: domestic underground, textual criticism, ego text, irony, humor, satire, unfinished phenomenon, upgrade.

А. П. Кунгурцева

(научный руководитель – кандидат филологических наук Л. Н. Корнилова)

Южно-Уральский государственный университет

Челябинск, Россия

Языковые особенности дневниковых записей в романе Е. Водолазкина «Авиатор»

Аннотация: Статья посвящена анализу особенностей языка дневниковых записей в романе Евгения Водолазкина «Авиатор» на лексическом и синтаксическом уровнях. В работе рассмотрена специфика жанра данного произведения, а также отличительные черты речевого оформления заметок каждого из героев. В конце статьи представлен вывод о роли рассмотренных языковых особенностей дневников в романе, придающих тексту экспрессивность и своеобразие.

Ключевые слова: дневниковые записи, особенности языка, экспрессия.